

ТЕМАТИЧЕСКИЕ СООБЩЕНИЯ

О СТАНОВЛЕНИИ ПОНЯТИЯ
«ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»

И.Н. АНДРЕЕВА

Прослеживается оформление понятия «эмоциональный интеллект» в зарубежной психологии на протяжении XX в. Рассматриваются предпосылки введения термина «эмоциональный интеллект» в психологическую теорию на постсоветском пространстве. Отмечается вклад Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник, О.К. Тихомирова и других ученых в развитие идеи единства аффекта и интеллекта. Показано, что открытие феномена «эмоциональный интеллект» явилось результатом развития представлений о природе когнитивных и аффективных процессов, об особенностях их взаимосвязи. К важнейшим достижениям в этом процессе автор относит обогащение представлений об эмоциях (представления об эмоциях как об одной из подсистем сознания; как о факторе мотивации), расширение представлений об интеллекте (в том числе идея множественности интеллектуальных проявлений, открытие социального интеллекта), а также встречное движение в исследованиях эмоций и интеллекта (идея единства и продуктивного взаимодействия аффективных и когнитивных процессов).

Ключевые слова: интеллект, эмоции, единство аффекта и интеллекта, эмоциональное мышление, социальный интеллект, эмоциональный интеллект.

Рост интереса к изучению эмоционального интеллекта (ЭИ) [2] связан как со множеством белых пятен в концептуальном поле данного феномена, так и с потребностями прикладных исследований. Проблема ЭИ весьма активно рассматривается зарубежными учеными. Достаточно вспомнить такие имена, как Дж. Мейер, П. Сэловей, Д. Карузо, Д. Гоулман, Г. Орме, Д. Слайтер, Х. Вейсингер, Р. Стернберг, Дж. Блок.

В российской психологической науке понятие ЭИ было впервые использовано Г.Г. Гарсковой [9]. В настоящее время изучением ЭИ на постсоветском пространстве занимаются Д.В. Люсин, Э.Л. Носенко, Н.В. Коврига, О.И. Власова, Г.В. Юсупова, М.А. Манойлова, Т.П. Березовская, А.П. Лобанов, А.С. Петров-

ская и другие. В данной статье мы рассмотрим процесс оформления понятия «эмоциональный интеллект» в зарубежной психологии и определим предпосылки введения данного термина в категориальный аппарат отечественной психологической науки.

ПОНЯТИЕ «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ» В ЗАРУБЕЖНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

Введению термина ЭИ в научную парадигму предшествовало постепенное изменение точки зрения на соотношение эмоциональных и познавательных процессов. Оформление понятия ЭИ можно проследить, начиная с Ч. Дарвина, который отмечал: «Когда разум сильно воз-

бужден, мы можем ожидать, что он мгновенно окажет непосредственное действие и на сердце... Когда сердце испытает это воздействие, оно направит свою реакцию в мозг... при любом возбуждении будет иметь место значительное взаимное воздействие и реагирование между этими двумя важными органами тела» (цит. по [16; 23]).

В зарубежной истории изучения ЭИ в XX—XXI вв. Дж. Мейер выделяет пять периодов: 1) в 1900—1969 гг. исследования эмоций и интеллекта были относительно обособлены; 2) в 1970—1989 гг. в центре внимания исследователей находилось взаимное влияние когнитивных и эмоциональных процессов; 3) в период 1990—1993 гг. ЭИ был определен в качестве предмета психологического исследования; 4) в 1994—1997 гг. концепт был популяризирован; 5) с 1998 г. по настоящее время происходит прояснение сущности феномена [57].

Для первого периода характерно появление и развитие тестов логического и вербального интеллекта и начало изучения социального интеллекта; при этом концепция интеллекта остается исключительно когнитивной.

На концептуальном поле исследования эмоций главное внимание уделяется решению проблемы «курица и яйцо»: что первично — физиологические реакции или эмоции? Эмоции рассматриваются как детерминированные культурой психические явления, в которых зачастую усматривают продукт патологии и гиперчувствительности [49].

Исследования эмоций в основном проводятся обособленно от исследований интеллекта. Тем не менее предпринимаются первые попытки анализа взаимосвязей между когнитивными и аффективными процессами. Так, немецкий философ и психолог Г. Майер в своей книге «Psychologie des emotionalen Denkens» (1908) наряду с «судящим» (логическим) мышлением выделяет эмоциональное, в котором на первом плане сто-

ят потребности чувства и воли. В актах эмоционального мышления наблюдается отличная от логического мышления тенденция: познавательный процесс здесь «затенен, отодвинут на задний план, не опознан как таковой, фокус внимания сосредоточен на практической цели, для которой познание является лишь побочным средством» [23; 126]. Исследование Г. Майера рассеивает «интеллектуалистические предрассудки» о том, будто в мышлении первостепенную роль играет познавательный интерес [23].

Первоначально в исследованиях интеллекта отсутствовала его дифференциация. Ч. Спирмен, автор двухфакторной модели интеллекта (1927), был убежден в том, что все ментальные тесты измеряют одну базовую интеллектуальную способность — проявление некоего общего фактора *g*, который отражает уровень ментальной энергии, присущий данному индивиду [10], [21]. В дальнейшем Г.Ю. Айзенк проинтерпретировал фактор *g* иначе: как скорость переработки информации центральной нервной системой или как умственный темп [1]. Сопутствующий специфический фактор *s* отображает, через различные измеряемые с помощью тестов параметры, инструментальные средства, или *engine* индивида (от лат. *ingenium* — естественная предрасположенность, талант), благодаря которым ментальная энергия может быть приложена к конкретным формам взаимодействия. Ч. Спирмен полагал, что интеллект не зависит от личностных черт человека и не включает в свою структуру неинтеллектуальные качества [21]. Современные исследования того, что Ч. Спирмен понимал под фактором *g*, обнаруживают его недостаточность в качестве глобальной характеристики интеллекта, поскольку изучение последнего в данном случае ограничивается логическими интеллектуальными особенностями [20].

Развитие двухфакторной модели привело Ч. Спирмена к обоснованию иерар-

хической модели интеллекта. Между факторами *g* и *s* автор поместил так называемые групповые факторы (арифметических, механических, лингвистических и вербальных способностей) [11].

Постепенно идея множественности сторон интеллекта утвердилась в науке. В качестве примера можно привести концепцию Л. Терстоуна (1938), в рамках которой он выделял семь так называемых первичных умственных потенций [35]. Тем не менее среди указанных факторов (счетная способность, вербальное восприятие, вербальная гибкость, скорость восприятия, пространственная ориентация, ассоциативная память) автор не находит такого, который имел хотя бы косвенное отношение к интеллектуальной обработке эмоциональной информации.

Самая ранняя работа, предвосхищающая открытие ЭИ, — исследование, проведенное в 1920-е гг. Р. Торндайком. Согласно модели данного автора, общая основа интеллектуальных действий «растворялась во взаимодействии множества отдельных факторов» [20;148]. Р. Торндайк впервые выделил такую часть общего интеллекта, как социальный интеллект — «способность понимать других и действовать или вести себя мудро по отношению к окружающим» (цит. по [26; 42]). Еще в начале 1930-х гг. Ч. Хант и Э. Торндайк пытались исследовать социальный интеллект путем предъявления рисунков с эмоциональными выражениями лиц и заданий на идентификацию эмоций по вербальному описанию [6]. В 1935 г. австралийский психолог Э. Долл разработал структурированное интервью — так называемую ползущую шкалу социальной зрелости для определения социальной компетентности.

Позже вызов традиционной точки зрения на интеллект бросил Д. Векслер, который впервые заявил о том, что существует диапазон видов мышления, представляющих собой компоненты общего интеллекта, но отличающихся от традиционного IQ. В 1940 г. в редко цитируе-

мой статье Д. Векслер настаивал на включении неинтеллектуальных аспектов общих способностей в каждое «полное» измерение [72]. Под неинтеллектуальными элементами он понимал не только общую работоспособность психики, но и ее аффективно-регулятивные компоненты, благодаря которым человек на протяжении более длительного времени удерживается в сфере значимой для него проблемы [74]. В упомянутой выше статье также обсуждались способности, которые он назвал «когнитивными» и «аффективными», — социальные и эмоциональные способности. К сожалению, эти факторы не были включены в тесты Векслера, поскольку в то время им уделялось мало внимания. Д. Векслер разделил умственные способности на вербальные и невербальные (способности к представлениям) и показал, что у разных людей могут доминировать те или иные их группы [73].

Р.В. Липер обнаружил, что эмоции вызывают, поддерживают и направляют деятельность. Он предположил, что «эмоциональная мысль» вносит свой вклад в «логическую мысль» и мышление в целом (цит. по [43]).

В 1955 г. А. Эллис начал разрабатывать рационально-эмотивную терапию (Rational Emotive Therapy) — подход к консультированию, который включал в себя обучение исследованию своих эмоций логическим путем, с помощью размышления. На первоначальную формулировку идеи рационально-эмотивной терапии оказали значительное влияние представления А. Адлера о том, что эмоциональные реакции человека непосредственно связаны с его основными идеями, убеждениями, отношениями или принципами и, по сути, вызываются когнитивно [39].

В этот период появляются отдельные случаи употребления термина «эмоциональный интеллект». Так, в 1960-х гг. указанный термин в случайной манере был использован в литературной критике [71] и в психиатрии [55].

В 1960-е гг. возникают когнитивистские теории эмоций. Наиболее известная из них, когнитивно-физиологическая, была разработана С. Шехтером. В соответствии с этой теорией на возникновение эмоций, наряду с воспринимаемыми стимулами и порождаемыми ими физиологическими изменениями в организме, оказывают влияние прошлый опыт человека и оценка им наличной ситуации с точки зрения имеющихся в данный момент потребностей и интересов. По мнению С. Шехтера, эмоциональные состояния — это результат взаимодействия двух компонентов: активации (arousal) и заключения человека о причинах его возбуждения на основе анализа ситуации, в которой появилась эмоция.

В русле представлений С. Шехтера находится и концепция М. Арнольд, согласно которой в качестве познавательной детерминанты эмоции выступает интуитивная оценка субъекта, а само переживание следует за ней. Эта интуитивная оценка понимается как «чувственное суждение», отличное от абстрактного «рефлексивного суждения» (цит. по [15]).

В конце 1970-х — 1980-х гг. отмечается растущий интерес к изучению взаимодействия эмоций и мышления [44], [50]. Идея о продуктивном взаимодействии эмоциональных и когнитивных процессов нашла свое подтверждение в ряде исследований [61]. К их числу можно отнести изучение влияния депрессии на реалистичность мышления ([40], [41]), взаимосвязи склонности к колебаниям настроения и креативности [59], изучение способности к эмоциональной саморегуляции [50]. Было выдвинуто предположение о существовании «когнитивного кольца», объединяющего настроения и суждения. Суть его в том, что отрицательные эмоции приводят к негативным мыслям, которые, в свою очередь, усиливают интенсивность эмоциональных переживаний. В то же время положительные эмоции активизируют позитивные мысли [50], [58].

В этот период высказывается положение об эмоциях как одной из подсистем сознания. Когнитивная теория эмоций рассматривает их как функцию разума. Так, в когнитивной концепции Р. Лазаруса центральной является идея о познавательной детерминации эмоций. Когнитивное опосредствование рассматривается как необходимое условие для появления эмоций. В концепции Р. Лазаруса главными являются два положения: 1) каждая эмоциональная реакция, независимо от ее содержания, есть функция особого рода познания или оценки; 2) эмоциональный ответ представляет собой некий синдром, каждый из компонентов которого отражает какой-либо важный момент в общей реакции. Схема возникновения эмоции, по мнению авторов концепции, выглядит следующим образом: восприятие — первичная оценка — исследовательская активность (личное значение эмоций в оцениваемой ситуации) — вторичная оценка — тенденция к действию — эмоция как проявление тенденции в переживании, физиологических изменениях и моторных реакциях (цит. по [15]).

В последующий период представления о когнитивной природе эмоций в среде их исследователей становятся достаточно популярными. К примеру, Л. Шпитц выдвинул постулат о том, что некоторая эмоциональность характеризует обычные состояния сознания и даже предшествует когнитивным процессам [15]. К. Шерер писал о когнитивных эмоциях [66], Ф. Данеш — о том, что «когниция, будучи эмоциогенной, вызывает эмоции, а эмоции влияют на когницию, так как вмешиваются в когнитивные процессы на всех уровнях» [47; 272]. На этих же позициях стояли У. Грей [54], А. Ортони, Дж. Клор и А. Коллинз [64].

В клинической практике исследовались трудности выражения эмоций пациентами [67], [69]. В 1973 г. П. Сифнеос ввел термин «алекситимия» и описал состояние, по сути противоположное эмо-

циональному интеллекту. Алекситимия связана с низким уровнем способностей к определению чувств, их различению, с трудностями в отображении чувств и в описании их окружающим людям.

Введению понятия ЭИ способствовали достижения в ряде смежных областей знания. Так, в исследованиях мозга начинают выделять взаимосвязи между эмоциями и когнициями [70]. Активно проводятся исследования искусственного интеллекта, к примеру, возможностей компьютера понимать и объяснять эмоциональные аспекты повествования [48]. В сфере исследований невербальной коммуникации создаются методики для изучения восприятия невербальной информации, в частности, проявления эмоций в мимике и пантомимике [45]. Эмпирические исследования социального интеллекта показывают, что в его структуре можно выделить социальные умения, эмпатию, просоциальные установки, социальную тревожность и эмоциональность (чувствительность) [56].

Развивая идею множественности интеллектуальных проявлений, выдвинутую Л. Терстоуном, Х. Гарднер обнаружил возможность категоризации большинства видов интеллекта. В 1983 г. данный исследователь сделал предположение о возможности существования разнообразных интеллектуальных способностей, включая интрапсихические (по существу, это способность к интроспекции — самонаблюдению) и личностные способности. Он выделил семь различных форм интеллекта: пространственный, музыкальный, лингвистический, логико-математический, межличностный, внутриличностный, телесно-кинестетический [30]. Каждая из выделенных автором интеллектуальных способностей является важной для достижения адекватности и успешности в определенной сфере жизнедеятельности. Ценность каждого компонента интеллекта определяется общественными нормами, поощряющими или не поощряющими

развитие указанных выше интеллектуальных способностей [51], [52].

Х. Гарднер предлагает критерии, которым должен соответствовать каждый вновь определяемый вид (форма) интеллекта: каждая форма интеллекта должна иметь свою систему знаков (числовых, языковых); должны быть получены доказательства того, что она опирается на собственную систему основных операций или функций; необходима информация об отдельных людях, обладающих исключительным объемом данной формы интеллекта [30]. Модель Х. Гарднера позволила реализовать более интегрированный, но в то же время более дифференцированный взгляд на природу и формы проявления интеллекта.

Р. Стернберг продолжил исследование, начатое Э. Доллом, Д. Векслером и Р. Липером. В результате возникла концепция «практического интеллекта», который был определен как «способность адаптироваться, изменять или перестраивать ситуации, возникающие в реальной жизни» (цит. по [26; 44]).

В теории Р. Стернберга интеллект рассматривается как информационная система, которая служит приспособлению человека к окружающей среде (в широком смысле слова). Основное положение триархической теории звучит таким образом: «Интеллект можно определить как вид умственной саморегуляции (самоуправления), умственное управление всей жизнью конструктивным целенаправленным способом» [68; 11]. Умственная саморегуляция содержит три основных элемента: адаптацию к окружающей среде, селекцию новых влияний окружающей среды, или выбор среды, совместимой с индивидом, и формирование окружающей среды.

В триединой (триархической) теории Р. Стернберга подчеркивалась связь интеллекта с тремя процессами жизни человека: внутренними информационными процессами, опытом и взаимодействием с внешним миром. Согласно указанной

концепции, на интеллект влияют три типа психических процессов (или компонентов):

- метакомпоненты, регулирующие процесс решения проблемы и включающие ее определение, выделение этапов в процессе решения и заключение об окончательном решении;

- исполнительные компоненты — процессы, связанные с актуальным решением конкретной проблемы, в том числе путем ее трансформации;

- компоненты приобретенных знаний, обусловленные спецификой обучения и полем полезных на будущее сведений.

Р. Стернберг подверг критике другие концепции интеллекта за то, что в них основной акцент ставится на исполнительных компонентах (т.е. на анализе полученных прежде знаний) и недостаточное внимание уделяется опыту и метакомпонентам, учет которых позволил бы распространить измерения, в частности, на область социального и эмоционального интеллекта [29].

В 1985 г. Р. Бар-Он вводит понятие «коэффициент эмоциональности» и предлагает анкету (EQ-i) для его измерения [26].

В 1986 г. термин ЭИ был впервые употреблен в диссертации В.Л. Пейна. Выделяя ЭИ среди других форм интеллекта, он отмечал следующее: «Факты, значения, истины, взаимосвязи и т.д. [эмоционального интеллекта] — это то, что существует в государстве эмоций. Таким образом, чувства есть факты. Значения есть прочувствованные значения; истины есть эмоциональные истины; взаимосвязи есть межличностные взаимосвязи. И проблемы, которые мы решаем, — это эмоциональные проблемы, это проблемы, при решении которых мы испытываем чувства» [65; 165]. В позиции автора больше риторики, чем определенности; такие положения, как «чувства есть факты» и «прочувствованные значения», не объяснены в тексте и не могут быть по-

няты вне более развитого концептуального поля.

Некоторые обсуждения ЭИ, хотя и являются более определенными по сравнению с полной риторикой позицией В.Л. Пейна, тем не менее не содержат прямых ссылок на ЭИ. Например, Х. Гарднер писал о внутриличностном (intrapersonal) интеллекте как о способности, позволяющей получить доступ к собственной эмоциональной жизни. Однако для данного автора этот путь связан не с ЭИ, он, скорее всего, опосредствован знаниями о себе и социальными знаниями [52]. Х. Гарднер продолжает судить об отдельно рассматриваемом ЭИ как о неподходящем применении идеи интеллекта [51].

Предпосылки введения понятия ЭИ в 1980-е гг. возникают и развиваются в смежных областях знания. Например, в литературе по детскому развитию можно найти термин «эмоциональная одаренность» [46].

Косвенными предпосылками «смешанных моделей» ЭИ послужили, на наш взгляд, концепция самооффективности А. Бандуры [42], теория самоактуализации А. Маслоу, представления о важности эмоциональной жизни в клиенто-центрированной терапии К. Роджерса [37], в которых подчеркивается значимость умения людей осознавать свои способности и эффективно управлять своим поведением в соответствии со знанием о сильных и слабых сторонах своей индивидуальности. К примеру, А. Бандура описывает психологическое функционирование человека в терминах непрерывных взаимовлияний поведенческих, когнитивных и средовых факторов. В данном динамическом процессе когнитивные компоненты играют центральную роль в организации и регулировании деятельности человека.

В одной из предшествующих появлению концепции ЭИ статей Дж. Мейер и П. Сэловей заявили о том, что влияние эмоциональных явлений на познание

регулируется и опосредствуется личностью. Таким образом, они указали на наличие некоторого комплекса индивидуальных способностей или черт, отвечающего за то, насколько влияние эмоциональных явлений окажется конструктивным или деструктивным для человека [61]. Для открытия нового вида интеллекта оставалось свести воедино различные направления исследований, которые косвенно указывали на существование ЭИ, точно и понятно определить термин «эмоциональный интеллект» и соединить его с существенными направлениями исследований. Наряду с этим необходимо было продемонстрировать эмпирические доказательства концепции ЭИ.

Началом *третьего* периода можно считать 1990 г., когда Дж. Мейер и П. Сэловей опубликовали первую исследовательскую работу, в которой дали определение термина «эмоциональный интеллект», а также предложили методику его измерения (EQ). В ней они привели доказательства в пользу того, что ЭИ является одним из основных видов интеллекта [60]. Чтобы рассматриваться как стандартный вид интеллекта, ЭИ должен быть операционализирован как умственная способность; соответствовать корреляционному критерию, который служит признаком того, что это унитарная способность, представляющая новый вид проявления отношения к более ранним измерениям интеллекта; возрастать с увеличением возраста, развиваться, подобно другим видам интеллекта [62].

В дальнейшем было показано, что ЭИ действительно удовлетворяет этим критериям. Он операционализирован как умственная способность. В настоящее время используется ряд методик для его измерения, среди которых наиболее высокий уровень надежности демонстрирует MEIS ($r=0,96$). В результате факторного анализа по аналогии с генеральным фактором интеллекта g Ч. Спирмена был выделен общий фактор эмоционального

интеллекта gei , который включает три субфактора: эмоциональную перцепцию, понимание и управление эмоциями. Как альтернатива может иметь место четырехфакторная модель, содержащая в своем составе еще один менее выраженный субфактор — фасилитация мышления. Общий фактор ЭИ коррелирует с другими видами интеллекта, например, с вербальным; при этом ЭИ является совершенно отдельным видом интеллекта, представляя собой унитарную умственную способность. Выявлено, что уровень ЭИ зависит от возраста, увеличиваясь между ранним подростковым возрастом и ранней взрослостью [63].

В последующем были предприняты серьезные эмпирические исследования в этой области, которые позволили наметить «демаркационную линию» между ЭИ и другими видами интеллекта. *Эмоциональный интеллект* рассматривается как «когнитивная способность (*capacity*) рассуждать об эмоциях и использовать эмоции для улучшения мыслительной деятельности; включает способности (*abilities*) точно различать эмоции, вызывать эмоции для содействия мышлению, понимать эмоции и эмоциональные знания и осознанно регулировать эмоции, чтобы способствовать эмоциональному и интеллектуальному росту» [63; 197]. Иными словами, ЭИ — это вид интеллекта, связанный с обработкой, интерпретацией и использованием эмоциональной информации.

Во время *четвертого* периода, по мнению Дж. Мейера [57], наметился необычный поворот событий: термин «эмоциональный интеллект» стал популяризироваться, а сама область исследований расширилась. Популяризация ЭИ берет свое начало с книги Д. Гоулмана «Эмоциональный интеллект» [53]. Данный автор и его последователи превратили ЭИ в девиз для исследований и публичной политики. Сторонники популистских подходов к эмоциональному интеллекту заявляли, что он является

«ключом» к успеху во многих сферах жизни. Было создано множество методик, предлагаемых для измерения эмоционального интеллекта. Появились психологические агентства, заявляющие своей целью развитие эмоционального интеллекта в сфере бизнеса и в обучении.

С 1998 г. по настоящее время (*пятый период*) предлагается множество вариантов усовершенствования концепции ЭИ совместно с внедрением новых методик его измерения; появляются первые рецензированные научные статьи по данной теме. Исследования в этой области осложняются наличием популистских представлений об ЭИ, его определений и подходов к измерению, далеких от научной парадигмы. В настоящее время, по мнению Дж. Мейера, в литературе существуют «два» ЭИ: один из них, «популярный» ЭИ, определяется различным образом, быстро приобретает и служит лучшим предиктором успеха в жизни, в то время как «другой» ЭИ является научным феноменом [58; 412].

ПРЕДПОСЫЛКИ ВВЕДЕНИЯ ТЕРМИНА «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В отечественной психологии идея единства аффекта и интеллекта не является новой: она нашла свое отражение в трудах Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник, О.К. Тихомирова.

Мнение Л.С. Выготского о том, что у людей эмоции изолируются от царства инстинктов и переносятся в совершенно новую сферу — сферу психологического [7; 13], послужило основанием для последующих выводов о том, что подавляющее большинство эмоций человека интеллектуально опосредствовано; что между эмоциональными и интеллектуальными процессами мышления существует закономерная связь; что развитие эмоций идет в единстве с развитием

мышления; что эмоции участвуют в регуляции мышления и его мотивации (мотивационная и эмоциональная регуляция мышления) и что, следовательно, эмоция — одна из составляющих мышления. Категорично, но весьма убедительно звучит следующее заключение «Моцарта психологии»: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистский анализ мышления предполагает вскрытие движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или иную сторону» [7; 14].

Л.С. Выготский назвал интеллектуальный момент, который вклинивается между переживанием и непосредственным поступком, «смысловым переживанием» [8; 377]. В настоящее время этот термин представляется близким понятию «эмоциональный интеллект».

Идея Л.С. Выготского о взаимосвязи когнитивных и эмоциональных процессов получила развитие в трудах А.Н. Леонтьева. Данный автор писал о необходимости различать сознаваемое объективное значение и его значение для субъекта (личностный смысл). Смысл создает пристрастность человеческого сознания. «То, что мы называем переживаниями, суть явления, возникающие на поверхности системы сознания, в форме которых сознание выступает для субъекта в своей непосредственности» [17; 140]. А.Н. Леонтьев показал в своих работах, что мышление имеет эмоциональную (аффективную) регуляцию [18].

Сходной позиции придерживался и С.Л. Рубинштейн: «Эмоциональность, или аффективность, — это всегда лишь одна, специфическая сторона процессов, которыми в действительности являются вместе с тем познавательными процессами, отражающими — пусть специфическим образом — действительность. Эмоциональные процессы, таким обра-

зом, никак не могут противопоставляться процессам познавательным как внешние, друг друга исключаящие противоположности. Сами эмоции человека представляют собой единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального» [31; 141]. Любая эмоция рассматривается ученым как «единство переживания и познания» [31; 153]. Вместе с тем и интеллектуальный процесс, по мнению С.Л. Рубинштейна, невозможен без участия эмоций: «...Суждение, которое является основным актом или формой, в которой совершается мыслительный процесс <...>, редко представляет собой только интеллектуальный акт. Суждение обычно в большей или меньшей степени насыщено эмоциональностью» [32; 331]. В отличие от Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейн не просто позиционирует себя сторонником идеи единства «аффекта и интеллекта», он во многом предвосхищает идею ЭИ, заявляя: «В действительности нужно говорить не просто о единстве эмоций и интеллекта в жизни личности, но о единстве эмоционального, или аффективного, и интеллектуального внутри самих эмоций, так же как внутри самого интеллекта» [31; 153].

Определенный вклад в развитие представлений о взаимосвязи нейрофизиологических, аффективных и когнитивных процессов внес А.Р. Лурия — основоположник отечественной нейропсихологии. Им установлено, что если подходить к интеллектуальным процессам как к сложным функциональным системам, а не как к отдельным способностям, необходимо пересмотреть идеи о возможности узкой локализации этих функций. В процессе исследований под руководством А.Р. Лурия была отвергнута и холистическая теория о том, что каждая функция равномерно распределена по всему мозгу, и теория локализации всех, в том числе и сложных психических функ-

ций в узкоспецифических зонах мозга [22]. Ученым были сформулированы общие положения о соотношении мозга и психики, известные как «теория системной динамической локализации высших психических функций» [36].

Принципа взаимосвязи аффекта и интеллекта придерживалась и Б.В. Зейгарник, которая подчеркивала, что не существует мышления, оторванного от мотивов, стремлений, установок, чувств человека, т.е. от личности в целом. В подтверждение этого она приводит положения Л.С. Выготского о том, что мысль — не последняя инстанция, что сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наши влечения и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. Вслед за А.Н. Леонтьевым Б.В. Зейгарник отмечает, что существенность признака и свойства, значимость самого предмета или явления зависят от того, какой смысл они приобрели для человека. Явление, предмет, событие могут в разных жизненных условиях приобретать различный смысл для личности, хотя знания о них остаются теми же. Изменение эмоций, сильные аффекты, по мнению ученого, могут привести к изменению значения предметов и свойств [14]. Иными словами, речь идет об эмоциональной регуляции мышления.

В отечественной психологии аналогом термина «эмоциональный интеллект» можно считать понятие «эмоциональное мышление», изучением которого занимался О.К. Тихомиров. Описывая специфику эмоционального мышления, он отмечал, что эмоциональные состояния включены в процесс решения задач [34]. По его мнению, с мыслительной деятельностью связаны все эмоциональные явления — аффекты, эмоции, чувства. Взаимосвязь эмоций с процессом мышления проявляется, как полагал О.К. Тихомиров, в том, что эмоциональные состояния выполняют в мышлении

различного рода регулирующие, эвристические функции. В частности, это определение дальнейшего развертывания поиска в глубину или возврат к определенному пункту при неблагоприятной ситуации. Кроме того, указанная связь проявляется во включенности эмоциональной активизации в процесс поиска принципа решения и в эмоциональном предвосхищении решения задачи. Исследования О.К. Тихомирова доказывают наличие эмоциональной регуляции мыслительной деятельности и тот факт, что эмоциональная активизация является необходимым условием продуктивной интеллектуальной деятельности [34; 88].

Между тем в свое время И.А. Васильев, В.Л. Поплужный, О.К. Тихомиров обратили внимание на то, что во многих зарубежных работах, вопреки общепризнанной актуальности, проблема эмоциональных компонентов мышления даже попутно не затрагивается [38].

В последнее время в отечественной психологии достаточно много исследований посвящено проблеме изучения эмоциональности. Роль эмоциональности как детерминанты успешности деятельности, в том числе профессиональной, изучалась также российскими учеными И.В. Пацывичусом [27], А.Е. Ольшанниковой [25], И.А. Переверзевой [28].

Определению влияния устойчивых признаков эмоциональности в структуре личности на различных уровнях их выявления как детерминант успешности профессиональной деятельности, в частности в экономических профессиях, посвящены работы украинского ученого О.П. Санниковой, которая исследовала влияние четырех базовых эмоций (радости, гнева, грусти, страха) на успешность профессиональной деятельности. Эмоциональность, по мнению О.П. Санниковой, одновременно выступает как системообразующий фактор в структуре личности и в структуре способностей, в частности профессиональных [33].

Как определенную предпосылку исследования эмоционального интеллекта можно рассматривать предложенное О.П. Санниковой, Е.А. Киселевой (цит. по [24]), а также российскими учеными А.А. Борисовой [4], В.Г. Зазыкиным [13] изучение психологической проницательности как многоуровневого структурного образования, связанного с устойчивыми признаками эмоциональности в структуре личности.

Взаимодействие аффективных и когнитивных процессов находилось и в сфере внимания А.В. Брушлинского. По его мнению, эмоции могут способствовать мышлению или препятствовать ему. Взаимодействие между эмоциональными и когнитивными процессами, как полагал ученый, правильнее называть взаимопроникновением. Каждый образ, представление, понятие имеют свой эмоциональный потенциал. Особенно велика роль эмоциональных явлений в оценках различного рода, которые являются важнейшими компонентами мыслительной деятельности [5].

Стоит отметить определенный вклад в проблему изучения эмоциональных способностей А.А. Бодалева, который заметил, что некоторым людям присуща определенная социальная одаренность. Она представляет собой своеобразное объединение интеллектуальных, эмоциональных и коммуникативных способностей, которые являются психологической основой успешности их коммуникаций с окружающими [3].

Таким образом, понятие «эмоциональный интеллект» не является новым для советской и постсоветской психологии. Это явление давно замечено, но имело иные обозначения: «смысловое переживание», «обобщение переживаний», «интеллектуализация аффекта» [7], [8], «эмоциональное мышление» [34], «эмоциональное воображение» [12]. Тем не менее не следует думать, что ЭИ — это не что иное, как «старое вино в новых мехах», и нет смысла вводить в

психологию новую категорию. По мнению А.В. Брушлинского, принципиально важно то, что обнаружить взаимоотношения между эмоциями и когнициями можно только в том случае, если имеется понятийный аппарат, позволяющий выявить единицы, не принадлежащие ни только мышлению, ни исключительно эмоциям. Такие отношения могут быть вычленены и описаны внутри психической деятельности с помощью «интерпроцессуальных» понятий [5], каким и является ЭИ.

По мнению Г.Г. Гарсковой, анализ эмпирических теорий в области психотерапии и психокоррекции показывает, что введение термина «эмоциональный интеллект» увеличивает их объясняющую силу. Историко-научное обоснование его введения заключается в доказательстве того, что понятие эмоционального интеллекта имплицитно присутствует в ряде общепризнанных теорий, оказавших влияние на психологическую науку [9].

ВЫВОДЫ

Итак, оформление понятия «эмоциональный интеллект» явилось результатом развития представлений о природе когнитивных и аффективных процессов, особенностях их взаимосвязи. Важнейшими достижениями в этом процессе явились следующие: обогащение представлений об эмоциях (представление об эмоциях как об одной из подсистем сознания, как о факторе мотивации), расширение представлений об интеллекте (идея множественности интеллектуальных проявлений, открытие социального интеллекта), а также встречное движение в исследованиях эмоций и интеллекта (идея единства и продуктивного взаимодействия аффективных и когнитивных процессов).

Несмотря на актуальность исследований проблемы взаимосвязи когнитивных и аффективных процессов, в отече-

ственной психологии она до сих пор остается недостаточно разработанной. Перефразируя шутливое замечание Д.А. Леонтьева, можно отметить, что в современных теоретических и эмпирических изысканиях пока еще «интеллект аффекту не товарищ» [19], но, возможно, усилиями исследователей столь пессимистическое заключение в скором времени будет лишено основания.

1. Айзенк Г.Ю. Интеллект: новый взгляд // *Вопр. психол.* № 1. 1995. С. 111—129.
2. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена // *Вопр. психол.* 2006. № 3. С. 78—86.
3. Бодалев А.А. Об одаренности человека как субъекта общения // *Психология.* 1999. № 1. С. 24—29.
4. Борисова А.А. Проницательность как проблема психологии общения // *Вопр. психол.* 1990. № 4. С. 117—122.
5. Брушлинский А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // *Психол. журн.* 1997. Т. 18. № 2. С. 18—32.
6. Власова О.І. Психологія соціальних здібностей: структура, динаміка, чинники розвитку: Монографія. К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2005.
7. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Л.: Учпедгиз, 1934. С. 13—14.
8. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982.
9. Гарскова Г.Г. Введение понятия «эмоциональный интеллект» в психологическую теорию // Тез. науч.-практ. конф. «Ананьевские чтения». СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 25—26.
10. Дружинин В.Н. Метафорические модели интеллекта // *Психол. журн.* 1999. Т. 20. № 6. С. 44—52.
11. Дружинин В.Н. Психодиагностика общих способностей. М.: ИП РАН; Academia, 1996.
12. Запорожец А.В. Избр. психол. труды: В 2 т. Т. 1. Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика, 1986.
13. Зазыкин В.Г. Основы психологической проницательности. М.: Тривола, 1997.
14. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Изд-во МГУ, 1986.
15. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999.

16. Лафренъе П. Эмоциональное развитие детей и подростков. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.
17. Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопр. филос. 1968. № 2. С. 137—140.
18. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
19. Леонтьев Д.А. Однопсишия. [Электронный ресурс]. 2006. <http://www.master-class.spb.ru/hum-leontiev>.
20. Либин А.В. Дифференциальная психология: На пересечении европейских, российских и американских традиций. М.: Смысл; Per Se, 2000.
21. Лобанов А.П., Коптева С.И., Ткачук О.А. Интеллект и личностный рост: Учеб. пособ. Мн.: БГПУ, 2002.
22. Лурия А.Р. Поражения мозга и мозговая локализация высших психических функций // А.Р. Лурия. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. М.: Изд-во МГУ, 1982.
23. Майер Г. Психология эмоционального мышления // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 123—129.
24. Носенко Е.Л., Коврига Н.В. Эмоцийний інтелект: концептуалізація феномену, основні функції. К.: Вища школа, 2003.
25. Ольшанникова А.Е. Эмоции и воспитание. М.: Знание, 1983.
26. Орме Г. Эмоциональное мышление как инструмент достижения успеха. М.: «КСП+», 2003.
27. Пацявичус И.В. Соотношение индивидуально-типических характеристик эмоциональности с особенностями саморегуляции деятельности: Автореф. канд. дис. М., 1981.
28. Переверзева И.А. Психофизиологический анализ индивидуальных различий по эмоциональности (на примере функции контроля за эмоциональной экспрессией): Автореф. канд. дис. М., 1986.
29. Практический интеллект / Под ред. Р.Дж. Стернберга. СПб.: Питер, 2002.
30. Психология: комплексный подход / Под ред. М. Айзенка. Минск: Новое знание, 2002.
31. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1989.
32. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
33. Санникова О.П. Эмоциональность в структуре личности. Одесса: Хорс, 1995.
34. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд-во МГУ, 1984.
35. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.
36. Хомская Е.Д. Лурия Александр Романович // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-Евразнак, 2004. С. 64.
37. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1999.
38. Шаховской В.И. О роли эмоций в речи // Вопр. психол. 1991. № 9. С. 111—117.
39. Эллис А. Гуманистическая психотерапия: рационально-эмоциональный подход. СПб.: Сова; М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
40. Alloy L.B., Abramson L.Y. Depressive realism: Four theoretical perspectives // Alloy L.B. (ed.), Cognitive processes in depression. N. Y.: Guilford, 1988.
41. Alloy L.B., Abramson L.Y. Judgement of contingency in depressed and nondepressed students: Sadder but wiser? // J. Exp. Psychol.: General. 1979. V. 108. P. 441—485.
42. Bandura A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behaviour change // Psychol. Rev. 1977. V. 84. P. 191—215.
43. Bar-On R. Development of the Bar-On EQ-I: A measure of emotional intelligence. Paper presented at 105th Annual Convention of American Psychological Association. Chicago, 1997.
44. Bower G.H., Cohen P.R. Emotional influences in memory and thinking: Data and theory // Clark M.S., Fiske S.T. (eds). Affect and cognition. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1982. P. 291—331.
45. Buck R. The communication of emotion. N.Y.: Guilford, 1984.
46. Dabrowsky K., Piechowsky M.M. Theory of levels of emotional development. V.1. Oceanside, N.Y.: Dabor Science Publications, 1977.
47. Danes F. Cognition and emotion in discourse interaction: A preliminary survey of the field // Preprints of the Plenary Session Papers. XIV-th International Congress of linguists organized under the auspices of CIPL. Berlin, 10—15 August 1987. Berlin, 1987. P. 272—291.
48. Dyer M.G. The role of affect in narratives // Cognit. Science. 1983. V. 7. P. 211—242.
49. Ekman P. Darwin and facial expression: Century of research in review. N.Y.: Academic Press, 1973.
50. Isen A.M. et al. Affect, accessibility of material in memory, and behavior: A cognitive loop? // J. Pers. Soc. Psychol. 1978. V. 36. P. 1—12.
51. Gardner H. Intelligence reframed. N. Y.: Basic Books, 1999.

52. *Gardner H.* Multiple intelligences. N.Y.: Basic Books, 1993.
53. *Goleman D.* Emotional intelligence. N.Y.: Bantam Books, 1995.
54. *Gray W.* Emotional-cognitive structuring: A new theory of mind // *Gray W.* (ed.). Forum for correspondence and contact. 1973. V. 5. P. 1—6.
55. *Leuner B.* Emotional intelligence and emancipation // *Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie.* 1966. V. 15. P. 193—203.
56. *Marlowe H.A.* Social intelligence: Evidence for multidimensionality and construct independence // *J. Educat. Psychol.* 1986. V. 78. P. 52—58.
57. *Mayer J.D.* A field guide to emotional intelligence // *Ciarrochi J.P., Forgas J.P., Mayer J.D.* (eds). Emotional intelligence in everyday life. Philadelphia, P.A.: Psychology Press, 2001. P. 3—24.
58. *Mayer J.D.* Emotion, intelligence, emotional intelligence // *Forgas J.P.* (ed.). The handbook of affect and social cognition. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000. P. 410—431.
59. *Mayer J.D.* How mood influences cognition // *Sharkey N.E.* (ed.) Advances in cognitive science. Chichester, West Sussex: Ellis Horwood, 1986. P. 290—314.
60. *Mayer J.D., Salovey P.* The intelligence of emotional intelligence // *Intelligence.* 1993. P. 433—442.
61. *Mayer J.D., Salovey P.* Personality moderates the effects of affect on cognition // *Fogas J., Fielder K.* (eds). Affect, cognition and social behavior. Toronto: Hogrete, 1988. P. 87—99.
62. *Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.* Emotional intelligence as zeitgeist, as personality and as a standard intelligence // *Bar-On R., Parker J.D.A.* (eds). Handbook of emotional intelligence. N.Y.: Jossey-Bass, 2000. P. 92—117.
63. *Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.* Emotional intelligence: Theory, Findings, and Implications // *Psychological Inquiry.* 2004. V. 15. N 3. P. 197—215.
64. *Ortony A., Clore G. L., Collins A.* The cognitive structure of emotions. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.
65. *Payne W.L.* A study of emotion: Developing emotional intelligence; Self-integration; relating to fear, pain and desire // *Dissertation Abstracts International.* 1986. V. 47(01). 203A. (University Microfilms N AAC8605928).
66. *Sherer K.R.* Vocal affect expression: A review and a model for future research // *Psychol. Bull.* 1986. V. 99. P. 143—165.
67. *Sifneos P.E.* Problems of psychotherapy of patients with alexithymic characteristics and physical disease // *Psychother. Psychosom.* 1975. V. 26:65. P. 70.
68. *Sternberg R. J.* The triarchic mind: A new theory of human intelligence. N.Y.: Penguin Hooks, 1988.
69. *Taylor G.J., Ryan D., Bagby R.M.* Toward the development of a new self-report alexithymia scale // *Psychother. Psychosom.* 1985. V. 44. P. 191.
70. *TenHouten W.D.* et al. Alexithymia: An experimental study of cerebral commissurotomy patients and normal control subjects // *Amer. J. Psychiatry.* 1986. V. 143. P. 312—316.
71. *Van Ghent D.* The English novel: Form and function. N.Y.: Harper and Row, 1953.
72. *Wechsler D.* Non-intellective factors in general intellect // *Psychol. Bull.* 1940. V. 37. P. 444—445. Reprinted in: *J. Abnormal Social Psychol.* 1943. V. 38. P. 100—104.
73. *Wechsler D.* The measurement and appraisal of adult intelligence. Baltimore, MD: The Williams & Wilkins Company, 1958.
74. *Wechsler D.* Wechsler Intelligence Scale for Children. N.Y.: Psychol. Corp., 1949.

Поступила в редакцию 22.XI 2007 г.